

Роль локальной идентичности в сопротивлении реновации: кейс района Свиблово в Москве

Даниил Переяславцев

Введение

В настоящее время около половины населения страны проживает в домах, построенных в период расцвета массового панельного домостроения. Типовые советские «панельки» распространены по всему постсоветскому пространству, при этом в массовом сознании укоренился образ безликой и однообразной городской застройки, *лишенной уникальности* и имеющейся во всех городах России и за ее пределами.

Начиная с конца XX века многие страны, которые в своей градостроительной политике в послевоенные годы при решении жилищного вопроса полагались на массовое домостроение, столкнулись с необходимостью модернизации большого объема морально и физически изношенного жилого фонда. Результатом стали многочисленные программы обновления панельных домов – от массового сноса и точечной застройки в Москве 1990–2000-х годов до применения более технологических методов реконструкции пятиэтажек в Восточной Германии. В Москве первые серии домов были снесены в результате программы комплексной реконструкции мэра Москвы Ю. М. Лужкова, однако проблема модернизации следующей волны массовой застройки не была решена. В 2017 году новым мэром города была предложена программа реновации панельного жилья, вызвавшая широкий резонанс в обществе из-за включения неаварийного жилья в перечень сносимых зданий. Жители многих районов устраивали протесты против новой застройки, желая *сохранить образ их районов*, собирали подписи под петициями против предложенных программ. Среди наиболее активно протестовавших районов выделяется Свиблово. Организованное протестное движение против застройки района действует здесь и сегодня.

Переяславцев Даниил Павлович, магистрант, Высшая школа урбанистики имени А. А. Высоковского ФГРП НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 13.
E-mail: dpezej14@gmail.com

В работе представлено исследование роли образов места, составляющих локальную идентичность местных жителей, в городских протестах. В качестве примера использовался московский район Свиблово, с 2017 года активно протестующий против проведения программы реновации. Основная методология исследования – семантический анализ текстов из социальных сетей и протестных петиций с помощью алгоритмов обработки естественного языка; найденные закономерности подкреплялись материалами о протестных кампаниях из средств массовой информации. В результате исследования выявлена взаимосвязь между возникновением городских конфликтов и мобилизацией системы образов места, присутствующих как в повседневной риторике местных жителей, так и в их протестной риторике. Демонстрируется увеличение частотности использования образов места, связанных с естественными или запланированными параметрами среды, одновременно с использованием этой же группы образов в протестной агитации. Выявленная закономерность прослеживается и при ретроспективном анализе других градостроительных конфликтов в Свиблово, однако для подтверждения результатов требуется дополнительное исследование на расширенной выборке районов.

Ключевые слова: образ места; локальная идентичность; городские конфликты; протестная активность; Свиблово; Москва; обработка естественного языка

Цитирование: Переяславцев Д. П. (2022) Роль локальной идентичности в сопротивлении реновации: кейс района Свиблово в Москве // Городские исследования и практики. Т. 7. № 4. С. 68–86. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp74202268-86>

Локальная идентичность типовых районов, часто описываемых как монотонные, однообразные и лишенные уникальности, представляет особый интерес для изучения, а ее потенциальное влияние на возникновение градостроительных конфликтов может выявить «точки кипения» отдельных городских сообществ. Факт этого влияния может лечь в основу более гибкой градостроительной политики в области реновации массовой жилой застройки. В такой политике градостроительные конфликты регулировались бы путем вовлечения жителей в процесс проектирования застройки и путем работы с локальной идентичностью типовых районов. Это обуславливает актуальность данного исследования, в особенности в перспективе масштабирования московского опыта реновации на другие регионы России.

Цель моего исследования – выявить характер влияния локальной идентичности на формирование протестных настроений жителей в контексте проектов реновации в районе Свиблово. Для достижения указанной цели я поставил следующие задачи:

1. Определить основные термины и теоретические концепции для анализа локальной идентичности и ее проявлений в городских конфликтах:
 - а) основные культурно-географические и социологические концепции для описания локальной идентичности района;
 - б) основные социологические концепции, связанные с градостроительными конфликтами.
2. Рассмотреть программу реновации 2017 года и связанные с ней градостроительные конфликты, описать причины и предпосылки разработки этой программы.
3. Провести эмпирическое исследование локальной идентичности района Свиблово на основе анализа образов территории и ее культурно-географических характеристик.
4. Охарактеризовать реакцию общественности и жителей района Свиблово на программу реновации.
5. Выявить систему образов района Свиблово, составляющих его локальную идентичность и одновременно занимающих важное положение в протестной риторике кампании против реновации. Выяснить характер их преобразования и вовлечения в градостроительные конфликты.

Для работы над исследованием было выдвинуто две гипотезы:

- В протестной риторике жителей Свиблово преобладают уникальные для района образы, связанные с историческими событиями и личностями, опытом проживания в районе (например, проживания в районе Василия Шукшина). Они же составляют основу локальной идентичности района. Градостроительный конфликт возникает вследствие покушения проекта реновации на историю Свиблова и его жителей.
- В протестной риторике жителей Свиблово преобладают образы района, связанные с его пространственными параметрами (например, большой площадью озеленения), которые также прослеживаются в локальной идентичности района. Градостроительный конфликт возникает вследствие покушения проекта реновации на устоявшиеся образы пространственной организации района.

Для изучения локальной идентичности Свиблова и характера ее влияния необходимо привлечь ряд междисциплинарных отечественных и зарубежных исследований, позволяющих описать урбанистические, социологические и культурно-географические аспекты этой темы.

Основной теоретический аппарат, исследующий понятие места, его образа и идентичности, был разработан зарубежными исследователями во второй половине XX века [Lynch, 1960; Tuan, 1975; Relph, 1976]. С его помощью сегодня в сфере социологии и гуманитарной географии проводятся исследования локальных идентичностей. Международные исследования затрагивают идентичность различных групп – от городских до этнических сообществ [Lewicka, 2008; Ehrkamp, 2010]. Современные отечественные исследования опираются на концепции не только гуманитарной географии, но и географии гуманитарной [Замятина, Митин, 2007]. Для постсоветских исследований характерно изучение локальных идентичностей индустриальных районов и районов массовой застройки [Стрельникова, 2018; Митин, 2018; Ваньке, Полухина, 2018]. Современное социологическое понимание идентичности основывается на конструктивистской теории и проанализировано множеством исследователей [Proshansky, 1978; Голд, 1980; Полякова, 2016]. Образы места, составляющие локальную идентичность, подробно рассматриваются в работах гуманитарных географов и урбанистов [Lynch, 1960; Manzo, 2003; Jive'n, Larkham, 2003;

Caswell, 2015; Замятин, 1999; Замятина, 2004; Митин, 2011]. Городские конфликты с социологической точки зрения тесно связаны с понятием права на город, разработанным А. Лефевром в начале XX века и уточненным другими современными исследователями [Brenner et al., 2012]. Кроме того, тема городских конфликтов рассматривается в контексте современной политики [Mössner, Renau, 2015], а также юриспруденции и градостроительства [Harris, 2002; Pucci, 2015; Байнова, 2015; Медведев, 2017].

1. Определение территориальной идентичности и факторы ее формирования в городской среде постсоветского пространства

1.1. Определение территориальной идентичности и терминов, связанных с ее формированием

Существует два подхода к определению термина «территориальная идентичность»: в отношении к месту (аутентичность места, уникальность) и в отношении к индивиду. В первом случае определение идентичности можно трактовать как «уникальность или отличие от других мест, которое служит основой для его распознавания в качестве отдельной сущности» [Линч, 1982]. При этом уникальность и распознавание места основываются на опыте, связанном с этим местом. Этот опыт, уникальный для каждого и зависящий от множества факторов, тем не менее складывается в общепринятый набор образов. Появление его связано с общими характеристиками, на которые обращает внимание индивид и которые могут быть детерминированы его культурой [Relph, 1976]. Такая трактовка термина «идентичность» неразрывно связана с восприятием места индивидом и его собственной идентичностью. В исследованиях в области психологии термин «территориальная идентичность» (place identity) в первую очередь относят к индивиду, а не к месту [Lewicka, 2008], интерпретируя территориальную идентичность как «собственные ощущения, которые измеряют идентичность человека в отношении к материальной среде» [Proshansky, 1978]. В современной конструктивистской социологической теории понятие идентичности индивида трактуется как «чувство целостности и непрерывности “духовной и телесной личности”, которое постоянно создается и поддерживается путем саморефлексии

и осмысляется в контексте и терминах собственной биографии, составляющей ядро самоидентичности в условиях современной социальной жизни» [Полякова, 2016]. Таким образом, территориальная идентичность индивида формируется через осмысление роли воспринимаемого им места в своей идентичности.

Само понятие места также связано с процессом осмысления и осознания индивидом своего окружения. Согласно И. Туану, место – конкретизированная часть пространства, которой индивид придает определенное значение, формируя его образ [Tuân, 1974]. Таким образом, создание места, как и создание идентичности, является процессом рефлексии, результатом формирования у индивида опыта непосредственного или опосредованного взаимодействия с пространством. Образ места, формируемый индивидом, – это система взаимосвязанных знаков и символов, описывающая определенную территорию [Линч, 1982].

В социологической теории осмысленное пространство описывается не только как конкретизированная часть объективного пространства, но и как самостоятельные субъективные пространства, например репрезентации пространства и пространства репрезентации [Лефевр, 2015]:

а) репрезентации пространства – задуманные пространства экспертных сообществ (ученых, планировщиков, урбанистов и т.д.), в которых переживание и восприятие пространства отождествлено с изначальным смыслом, вложенным в пространство при его создании;

б) пространства репрезентации – пространство, переживаемое через сопутствующие ему образы и символы его пользователями и жителями. Такое пространство является надстройкой над объективным физическим пространством, использующим его объекты в качестве символов.

Чтобы описать воздействие внешних факторов на осмысленный образ места, формирующий локальную идентичность, необходимо понимать, что составляет целостный опыт взаимодействия с пространством. Например, канадский географ Э. Рэльф выделяет три компонента, формирующие опыт взаимодействия с пространством, или идентичность пространства [Relph, 1976]:

1) физические параметры пространства – набор объективных физических параметров среды, застройки и объектов, находящихся в ней;

2) процессы, происходящие в пространстве, – наблюдаемые действия субъектов в окружающей среде;

3) смыслы, придаваемые пространству, – продукт восприятия индивидом объективных физических параметров и процессов, происходящих в нем, опыт проживания в пространстве.

Условно выделяемые Рельфом факторы можно разделить на две группы:

1) факторы, обусловленные пространственной организацией среды: смыслы, возникающие естественно или спланированные;

2) факторы, обусловленные опытом проживания в среде и его историей: смыслы, придаваемые району жителями.

Таким образом, понятие локальной идентичности, применяемое в данном исследовании, означает осмысленный индивидом в контексте собственной биографии образ места. Само место является конкретизированным, осмысленным пространством, которому индивид придает определенное значение либо в качестве первоначального замысла, в процессе его создания, либо в результате опыта использования пространства. Опыт использования и взаимодействия с пространством можно охарактеризовать, основываясь на физических параметрах пространства, на процессах, происходящих в нем, и на смыслах, которыми индивид его наделяет.

1.2. Определение городских конфликтов, их видов и причин возникновения

Понятие конфликта в современных исследованиях трактуется как «видимое выражение как минимум двух противоположных идей, которое проявилось в одном или более конкретном событии в виде протеста или иного противостояния» [Mössner, Ranau, 2015]. Такое понятие применимо и для определения городских конфликтов, которые описываются как столкновение интересов пользователей города в сфере преобразования городского пространства [Медведев, 2017].

Согласно Лефевру, преобразование пространства – постоянный процесс, главными акторами которого являются пользователи, проживающие в нем и наполняющие пространство смыслами (пространство репрезентации), а также эксперты, создающие пространство с определенным изначальным замыслом (репрезентации пространства) [Лефевр,

2015]. В современной теории городских конфликтов число сторон расширяется до трех: экспертное сообщество разделяется на городские власти и девелоперов, политических и экономических выгодоприобретателей, которые противопоставляются местным сообществам [Медведев, 2017]. Городские конфликты рождаются в результате попытки обозначенных выше групп реализовать свое право на город – набор прав на воздействие на каждый отдельный элемент городского пространства [Marcuse, 2012].

Попытка местных жителей отстаивать свои интересы, которые часто заключаются в желании сохранить существующий уклад жизни, в создании комфортной городской среды или в препятствовании возникновению материальных издержек в результате уменьшения стоимости недвижимости, ведет к рождению локальных конфликтов, связанных со строительством вблизи территории проживания. В литературе подобный тип конфликтов получил название феномена NIMBY (Not in My Backyard, «не в моем дворе»). Это конфликт, в основании которого лежит убеждение жителей, что принятый градостроительный проект негативно отразится на их жизни [Медведев, 2017].

Причины протестной мобилизации граждан в результате неприятия градостроительных проектов можно разделить на три категории [Pol et al., 2006]:

1. *Воздействие средовых факторов на физические параметры определенного места:* загрязнение окружающей среды, накопление мусора, застройка пустых территорий, угроза биологическому разнообразию места.
2. *Воздействие средовых факторов на психологический и социальный контекст места:* разрыв единства городской ткани, восприятие неравенства, создание ложных ожиданий, недоверие к властным органам, риск ухудшения качества жизни, потеря символов, ассоциируемых с местом.
3. *Воздействие экономических факторов:* неоправданно завышенная стоимость проекта, неустойчивая экономическая модель проекта, снижение стоимости земли и собственности в результате его реализации, несовместимость с социально-экономическими характеристиками населения.

Таким образом, городские конфликты – видимое выражение столкновения интересов

пользователей городского пространства, девелоперов и местных властей. Городские конфликты также могут быть объяснены через понятие права на город, столкновение пространства репрезентации и репрезентации пространства: местные жители и пользователи городского пространства вступают в борьбу с экспертным сообществом за возможность наполнять окружающее их пространство собственными смыслами. На основе этих смыслов и формируется образ места. Возникновение локальных городских конфликтов часто приписывается феномену NIMBY, то есть сопротивлению жителей возникновению или реализации определенного проекта в непосредственной близости к месту их проживания. Причиной возникновения феномена может стать вероятность изменения физических, социально-психологических или экономических параметров определенного места в результате реализации проекта, что также перекликается с теорией гуманитарной географии: факторы возникновения феномена NIMBY частично совпадают с факторами, формирующими образ места.

В заключение необходимо отметить взаимосвязь между факторами, формирующими идентичность пространства и образ места, и факторами, приводящими к возникновению локальных городских конфликтов. Риск утраты или изменения объективных физических предметов и процессов или субъективных смысловых факторов, образующих локальную идентичность в результате осмысления роли места в контексте собственной идентичности, может также привести к тому, что местные жители не примут градостроительный проект.

2. Причины и предпосылки Московской программы реновации 2017 года: описание программы и городских конфликтов, связанных с ней

Первые попытки реновации жилищного фонда первой волны индустриального домостроения были предприняты в конце 1980-х годов: в Новых Черемушках недалеко от первых опытно-показательных кварталов были снесены первые четыре па-

нельные хрущевки¹. После еще нескольких экспериментальных точечных сносов отдельных панельных домов программа сноса физически устаревших многоквартирных домов первого периода индустриального домостроения приобрела систематический характер в конце 1990-х годов.

Официальный старт программе комплексной реконструкции в Москве дало постановление Правительства Москвы №608-ПП. Основной целью программы, согласно постановлению, стало «обеспечение москвичей благоустроенным жильем, отвечающим современным требованиям, и создание комфортной среды обитания благодаря комплексной реконструкции районов и кварталов, предусматривающей, наряду со строительством жилья, модернизацию и развитие социальной, инженерной, культурной и бытовой инфраструктуры»². Всего за период с 1999 по 2010 год правительством планировалось снести 1728 зданий, на месте которых планировалось возведение новых многоквартирных домов за счет частных инвесторов. Несмотря на то что окружающее жителей этих домов пространство преобразовывалось исходя из частных интересов застройщиков (максимальное извлечение прибыли из освождаемой земли: повышение этажности застройки, ее уплотнение), комплексная реконструкция не привела к заметным градостроительным конфликтам [Грудцына, 2017]. Это могло быть обусловлено серьезным физическим износом домов сносимых серий, а также гарантиями на переселение внутри района или административного округа в обновленной постановлением правительства Москвы нормативно-правовой базе [Лебедев, Заболотнева, 2022]. Необходимо отметить слабую исследованность медийного сопровождения московской программы комплексной реконструкции и связанных с ней городских конфликтов в научной литературе, что может быть обусловлено недостаточным количеством данных и публикаций для проведения эмпирических исследований.

Несмотря на относительный успех в сфере контроля городских конфликтов, программа комплексной реконструкции панельного домостроения периода

1. Владимир Ресин: «Я вижу, как Москва преобразуется». Интервью, 7.05.2020: <https://stroi.mos.ru/interviews/vladimir-riesin-ia-vizhu-kak-moskva-prieobrazhaetsia>.

2. Постановление правительства Москвы №608-ПП «О задачах комплексной реконструкции районов пятиэтажной застройки первого периода индустриального домостроения до 2010 года»: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/27308220/>.

Тема символа/ высказывания	14.05.2017	28.05.2017	12.06.2017	21.04.2018
Против закона о реновации в целом	25	25	21	15
Защита собственности	23	13	5	6
Защита своих конституционных прав	13	12	6	5
Хрущевки – это социальный и экологический комфорт	20	27	11	24
Реновация – это катастрофа	9	6	2	5
Политические высказывания против власти	20	14	12	13
Отказ от деспотичности «заботы» власти	13	14	7	8
Власть должна выполнить свои обещания	0	1	4	9

Таблица 1. Доля участников митингов с разными темами высказываний на акциях против реновации, %
 Источник: [Архипова, Гаврилова, Козлова, 2019].

М. Ю. Лужкова не достигла полной реализации плановых показателей к 2010 году из-за изменения порядка предоставления участков для стартовых домов и начала экономического кризиса в России. Снос домов продолжался существенно более медленными темпами, чем до 2010 года, и уже в 2014-м началась разработка новой программы сноса пятиэтажек в Москве, которая была обнародована в феврале 2017 года. Первое употребление термина «реновация» московскими властями произошло на прямой линии с гражданами, в ходе которой идея сноса пятиэтажек была преподнесена как низовая инициатива. Однако вместо всеобщего принятия реновация была встречена широким общественным резонансом. Попытка создания пространства репрезентации – созданного экспертным сообществом смыслового наполнения для районов, который бы заместил сложившиеся и создаваемые местными жителями смыслы пространства

в процессе его репрезентации, – привела к конфликту: продвигаемая как инициатива снизу, реновация мешала жителям реализовывать свое право на город. Кроме того, программа предполагала почти пятикратное увеличение изначального объема сносимых жилых площадей и, как следствие, имела более широкий охват, чем первый московский опыт сноса хрущевок.

Если программа комплексной реконструкции предполагала снос почти исключительно домов, построенных в первый период индустриального домостроения и, соответственно, носила точечный характер, то программа реновации 2017 года предлагала изменить облик целых микрорайонов. Например, зеленый сквер в одном из микрорайонов Останкино предлагается использовать в качестве площадки для строительства стартового дома для переселения жителей, а почти все соседние малоэтажные дома, окружающие сквер плотным рядом строчной застройки³, включены в программу реновации⁴.

В течение следующего года в Москве не раз проходили общегородские протестные акции, протестный дискурс которых тогда же документировался и описывался на основе количественных и качественных данных. Так, например, исследователи группы «Мониторинг актуального фольклора» описывали тематику символов и высказываний участников различных общегородских протестов (см. табл. 1).

В представленных результатах документирования протестного дискурса заметно стабильное преобладание тем, напрямую связанных с политикой и попыткой местных жителей реализовать свое право на город («Против закона о реновации в целом», «Защита своих конституционных прав», «Политические высказывания против власти», «Отказ от деспотичности “заботы” власти», «Власть должна выполнить свои обещания»). Данные не имеют прямой связи с местом и их преобладание в протестном дискурсе свидетельствует о глобальности протеста, при этом темы, непосредственно затрагивающие образ места и локальную идентичность жителей сносимых домов («Защита собственности», «Хрущевки – это социальный и экологиче-

3. Строчная застройка – особый тип застройки, характерный для советских типовых микрорайонов, в которых дома выстроены параллельными прямыми линиями, а незакрытые двory просматриваются с торцов зданий. На незакрытых углах при этом возникают пустыри, которые, как правило, служат дополнительными зелеными пространствами микрорайона. Такой тип застройки позволяет достигнуть максимальной скорости возведения зданий и наиболее удобен для перемещения строительной техники. Подробнее см. [Мойзер, Задорин, 2020].

4. См. Карту реновации: <https://fr.mos.ru/uchastnikam-programmy/karta-renovatsii/>.

ский комфорт») составляли от 16 до 40% от общего числа демонстрировавшихся протестных тем.

Отдельным страхом, обнаруженным исследователями «Мониторинга актуального фольклора», является опасение протестующих потерять часть «своего мира». Подобное опасение можно описать в терминологии локальной идентичности. Таким образом, стремление защитить экологический комфорт среды своего пятиэтажного микрорайона связано с боязнью потерять привычные физические параметры своего района как места, что неизбежно приведет к изменению придаваемых району смыслов. Защитой смыслов, придаваемых месту, значимость которого протестующие высоко оценивают в своей биографии, можно считать и стремление защитить свою собственность и социальный комфорт своего района. Толкование тем символов и высказываний наиболее активных протестующих с позиции терминологии локальной идентичности демонстрирует связь между протестным дискурсом и рефлексией протестующих по поводу роли панельных районов как мест в своей идентичности. В результате около четверти тем, озвученных в рамках общегородских протестов, имеют непосредственное отношение к локальной идентичности. Непосредственным доказательством наличия у жителей пятиэтажных районов локальной идентичности и возможности ее отнесения к причинам появления на протестных акциях этой четверти лозунгов являются слова самих протестующих. Так, жительница района Беляево признает, что район – ее «родина». В ее риторике проявляются уникальные образы, присущие Беляеву: «Здесь сочетание среды – а среду нам проектировал архитектор Белопольский – здесь совершенно офигительно грамотно сделано вот сочетание – архитектура вписалась в среду [Архипова, Гаврилова, Козлова, 2019]».

Тем не менее в исследованных протестных акциях, что характерно для глобальных протестов, преобладают общие политические лозунги. Локальные темы, как правило, наследуются глобальными протестами из первоначальных низовых инициатив, однако отличительной особенностью развития протестной кампании против реновации является инверсия этих ролей. Общегородские протесты против реновации являлись незамедлительной реакцией на общегородские же политические вопросы: в конце апреля 2017 года, за месяц до первой публичной акции,

в первом чтении был принят законопроект о возможности принудительного выселения жильцов из аварийных домов в случае, если две трети собственников квартир проголосуют за участие дома в проекте реновации. Несмотря на то что первые протестные активности развернулись в локальных протестных группах в социальных сетях [Архипова, Гаврилова, Козлова, 2019], действительно активное участие в сопротивлении программе реновации местные сообщества начали принимать только после окончания общегородских протестов. Для сопоставления образов, использующихся в дискурсе, и образов, составляющих локальную идентичность жителей протестных районов, необходимо рассмотреть образы, характерные именно для локального протеста.

Таким образом, московская программа реновации 2017 года, несмотря на то что являлась фактическим продолжением и расширением программы комплексной реконструкции панельного домостроения 1999 года, вызвала существенный общественный резонанс, связанный с масштабами нового проекта, обновленными правовыми нормами выселения и невозможностью горожан реализовывать свое право на город: попытка экспертного сообщества наполнить район своими смыслами, выдав проект за инициативу местных жителей. Задокументированный протестный дискурс на общегородских акциях протеста состоял в основном из политических требований, однако около четверти всех символов и высказываний было связано с опасениями по поводу возможных изменений в образе мест, важных для протестующих в качестве части собственной идентичности.

3. Образы локальной идентичности жителей района Свиблово: эмпирическое измерение

Район Свиблово – один из двадцати самых небольших по площади районов Москвы, первоначально, с начала XV века, известный как село на реке Яузе. Село развивалось параллельно и вплотную к городу Бабушкину, в составе которого Свиблово находилось до 1960-х годов, после чего перешло в состав Москвы. В начале XX века в северной части территории современного района был построен научно-исследовательский институт транспортного строительства (ЦНИИС, Институт пути). Уже после войны Свибло-

во начало застраиваться типовыми пятиэтажными домами: между берегом Яузы и промышленной зоной Института пути расположились ровные ряды строчной застройки. Раннее строительство первого периода индустриального домостроения на проезде Русанова было преобразовано во времена программы комплексной реконструкции, однако изменение застройки коснулось лишь небольшой части района: высотные типовые дома обновленных серий появились в микрорайонах по улице Снежная и проезду Русанова⁵. В целом район Свиблово и поныне сохранил черты малоэтажной застройки с густым озеленением, занимающим почти пятую часть района. Для понимания локальной идентичности жителей района необходимо рассмотреть, как морфология пространства (строчная застройка, близость и к паркам, и к промышленным зонам) проявляется в их повседневной риторике: как местные жители описывают свой район, что о нем говорят.

3.1. Методология исследования

Наиболее доступным источником информации о повседневной риторике жителей Свиблово являются сообщества в социальных сетях. Протестная риторика местных жителей также может быть исследована в текстовом виде путем изучения агитационных материалов, протестных петиций и подписей к ним. Так как основной массив доступных данных представляет из себя корпус разноплановых текстов, в качестве метода эмпирического измерения образов локальной идентичности был выбран метод семантического анализа [Salloum, Khan, Shaalan, 2020] и соответствующие инструменты обработки естественного языка⁶:

1. Тематическое моделирование – это способ математического определения главной тематики текста на основании вероятности его отнесения к той или иной тематической группе. В анализе использовался алгоритм Latent Dirichlet Allocation из библиотеки scikit-learn для языка Python [Albanese et al., 2020].
2. Выделение синтаксически зависимых пар слов (биграмм) – способ выделения пар слов в формате «определяемое

слово – определение». В анализе использовалась нейросеть Slovnet из русскоязычной библиотеки обработки естественного языка Natasha на языке Python⁷.

3. Выделение именованных сущностей – алгоритмический поиск в тексте именованных сущностей по заданным параметрам, например личностей, организаций или локаций. В анализе использовалась нейросеть Slovnet из русскоязычной библиотеки обработки естественного языка Natasha на языке Python.

Для анализа образов района, ежедневно распространяющихся среди соседей, был составлен корпус текстов, включающий посты сообществ и комментарии к этим постам нескольких наиболее активных и популярных районных сообществ социальной сети «ВКонтакте»:

- «Наше Свиблово» – наиболее активное с точки зрения комментирования новостей местное сообщество, посты на различные темы – от новостных до развлекательных и простых любований районом. Число подписчиков: 7261, количество постов: 17 095, количество комментариев: 32 754.
4. «Свиблово | СВАО | Москва» – официальная страница районной газеты «Свиблово». Новостные посты и возможность комментирования новостей. Число подписчиков: 2051, количество постов: 1624, количество комментариев: 594.
5. «СВИБЛОВО» – общая страница о районе, новости управы и окрестностей с возможностью комментирования. Число подписчиков: 1499, количество постов: 2556, количество комментариев: 353.
6. «Подслушано Свиблово» – городское сообщество с анонимными постами на разные темы. Число подписчиков: 4471, количество постов: 13 403, количество комментариев: 313.

Корпус текстов был собран с помощью программного интерфейса (API) социальной сети и в совокупности составил 34 057 сообщений в корпусе комментариев

5. Ср. современное расположение домов и спутниковые снимки 1996 года: <http://www.etomesto.ru/map-sputnik1995/>.

6. Использованные мной при анализе данные и программные алгоритмы выложены в открытом репозитории: https://github.com/dpereyaslavtsev/Place_Identity_NLP.

7. Подробнее об инструменте в репозитории библиотеки см.: <https://github.com/natasha/slovnet>.

Таблица 2. Частота упоминания пар «определяемое слово – определение» в комментариях к постам сообществ в социальной сети «ВКонтакте»

Пары слов	Частота употребления
район свиблово	83
район управа	27
район хороший	26
район бабушкинский	15
район тихий	15
район москва	13
район спальный	12
район других	12
район зеленый	12
район гбу	10
район соседний	8
район уютный	8
район новый	7
район любимый	7
район нормальный	7

Источник: данные автора.

Примечание. В таблице представлены первые 15 пар слов, наиболее часто упоминающихся в текстах. Все встречающиеся в описании результатов слова приведены в нижнем регистре для более точного расчета количества упоминаний.

и 34 541 сообщение в корпусе постов на стенах сообществ.

Для анализа протестной риторики жителей был собран корпус текстов из комментариев к петициям на сайте change.org:

1. «Остановить преступную застройку района Свиблово (СВАО), которая превратит его в ад!» – петиция против застройки района в целом, упоминание наиболее спорного участка рядом с Вересковой улицей. Число подписей: 2262, количество комментариев: 125.
2. «Руки прочь от придомовых территорий! Нет точечной застройке на Вересковой 1 в Свиблово!» – петиция против застройки придомовой территории конкретного дома. Число подписей: 1966, количество комментариев: 76.
3. «Прекратить вырубку парка на Тенистом проезде у Яузы в районе Свиблово г. Москвы» – петиция против вырубки леса для строительства стартовой площадки реновации. Число подписей: 2 477, количество комментариев: 50.

В дополнение к автоматизированному анализу текстов исследование протестной риторики было подкреплено выдержками из интервью с городскими активистами и фотографиями агитационных материалов, опубликованными в средствах массовой информации.

3.2.1. Результаты анализа повседневной риторики жителей Свиблова

В результате работы алгоритмов было получено следующее распределение пар

«определяемое слово – определение» (табл. 2).

В качестве проявлений образов места чаще всего употреблялись пары слов, описывающие опыт проживания в районе, его «дух». Эта группа образов преобладает над группой образов, описывающих пространственные параметры района. Так, среди наиболее частотных образных пар фигурируют такие слова, как «тихий», «спальный», «уютный», «хороший». Они являются маркером наделяния Свиблова как места определенными смыслами и наличия процесса репрезентации пространства. Пространственные параметры среды упоминаются гораздо реже: в рамках измерения данного параметра они представлены парами слов «район» или «свиблово» и «зеленый» или «яуза». Помимо описанных выше смысловых компонентов образа района в текстах встречаются также и описания района как «уникального», «доброго», «интересного», «отличного», «родного». В комментариях часто встречаются упоминания соседних районов, близость к которым может быть важна для жителей такого компактного района, как Свиблово. В образе района присутствует и дихотомия: часть жителей воспринимает его как «старый», однако существенно больше людей определяют его как «новый».

При анализе текстов, опубликованных до активной фазы протестов против реновации в Свиблово (до 2018 года), прослеживаются те же пары слов (табл. 3).

При этом «зеленый» образ Свиблова снова упоминается чаще, чем образ тихого спального района. Этот показатель может быть связан как с ограничениями данных, так и с повышением внимания жителей к смыслу своего района как места под угрозой разрушения в процессе реновации. Для определения динамики изменений образов места и локальной идентичности жителей требуется дополнительное исследование на большем массиве данных, включающем другие районы реновации помимо Свиблова.

Прослеживаемые в обычных постах пары слов в основном описывают государственные программы («свиблово мой район», «район программа»), городские власти («район управа», «район москва», «район свао», «свиблово районный») и названия соседних районов («свиблово ростокино», «район бабушкинский»). При этом среди наиболее часто употребляемых пар слов значатся и встречавшиеся в повседневном и протестном дискурсе жителей образы любимого тихого спального района.

Таблица 3. Частота упоминаний пар «определяемое слово – определение» в комментариях к постам сообществ в социальной сети «ВКонтакте» до 2018 года

Источник: данные автора.

Пары слов	Частота употребления
район зеленый	7
район свиблово	7
район тихий	6
район хороший	5
район москва	5
район спальный	5
район бабушкинский	5
свиблово спасибо	4
район других	4
район лосиноостровский	3
район свао	3
район любимый	3
район яуза	3
район дзержинский	3
свиблово свиблово	3

В проанализированных текстах вновь прослеживается двойственность образа Свиблово как одновременно «старого» и «нового» района, однако отличительной чертой постов сообществ является пониженное внимание к его озеленению: пара слов «район зеленый» встречается в таком типе текстов в четыре раза реже, чем «район новый» или «район любимый».

Анализ корпуса текстов на предмет содержания в них именованных сущностей ввиду ограничений, связанных с работой нейронных сетей, не дает возможности автоматически выделить уникальные личности и локации, участвующие исключительно в формировании идентичности района. Так, например, поиск личностей помимо имен пользователей, возникающих в общении, возвращает местные топонимы с фамилиями выдающихся людей. Часто возникает имя арктического исследователя Русанова или политического деятеля ГДР Вильгельма Пика, каждый из которых имеет собственную улицу в Свиблове. Уникальным образом появляется в обсуждении пользователей социальных сетей советский кинорежиссер *Василий Шукшин*, который некоторое время проживал в одном из домов района⁸. Среди наиболее упоминаемых жителями локаций четко выделяется река *Яуза*, по частотности упо-

требления уступающая только Свиблову и Москве. Кроме того, достаточно часто упоминается *Капустинский пруд* – небольшой водоем в центре района, вокруг правильности написания которого существуют разногласия. Несмотря на расхожее мнение о происхождении названия пруда от фамилии местных купцов Капустинных, вариант написания Капустянский пруд считается характерным для старожилов района⁹, в корпусе текстов «правильное» написание пруда с буквой «я» встречается только в 20% текстов о пруде. Необходимо отметить высокую частоту употребления названий соседних районов: Отрадное, Медведково, Ростокино, Ботанический сад. Возможная причина была упомянута выше. Чаще других организаций в Свиблове упоминается Институт пути. Эта организация – единственное упоминание промышленного наследия района в повседневном дискурсе его жителей: о планировочном контексте района (Яуза, Капустинский пруд) говорят в 4,5 раза чаще, чем об уникальной районной истории, связанной с опытом проживания в нем (Василий Шукшин, Институт пути).

Таким образом, в повседневном общении жители Свиблова оперируют терминами, описывающими опыт проживания в районе: тихий, спальный, уютный. Образы, связанные с объективными физическими параметрами среды, встречаются значительно реже: тренд сохраняется как при анализе текстов комментариев, так и при анализе текстов самих постов. При попытке поиска образов через выделение именованных сущностей в текстах обоих корпусов заметна обратная тенденция: объективные физические факторы среды (парк и река Яуза, Капустинский пруд), влияющие на ее образ, встречаются в 4,5 раза чаще, чем исторические факты (упоминание индустриального наследия и известных личностей).

3.2.2. Результаты исследования протестной риторики жителей Свиблова

Для понимания процесса мобилизации образов локальной идентичности в градозащитном дискурсе Свиблова необходимо

8. Маленькое путешествие по Свиблово // Другая Москва, 13.10.2009: <https://drugaya-moscow.livejournal.com/51693.html>.

9. См., например, описание Капустинского пруда в сервисе народной картографии Wikimapia: <http://wikimapia.org/#lang=ru&lat=55.856070&lon=37.670763&z=14&m=w&show=/128398/ru/%D0%9A%D0%B0%D0%B-F%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%D0%BF%D1%80%D1%83%D0%B4&-search=%D0%98%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%82%20%D0%9F%D1%83%D1%82%D0%B8>.

10. Повторы слов обусловлены работой алгоритма, который распознает слова и словосочетания, составленные из них, как отдельные маркеры.

Таблица 4. Наиболее частые темы сообщений в подписях к петициям и определяющие их ключевые слова¹¹

Источник: данные автора.

Тема	Ключевые слова и словосочетания					
Против точечной застройки	точечный	точечный застройка	застройка	дышать	район	
Против вторжения в свой район	застройка	район	любить	свиблово	свой	
Против уничтожения зеленого района	район	чистый	уничтожить	зеленый	экология	
Требование обновленной инфраструктуры для детей	наш	район	детский	двор	детский площадка	
Против уничтожения устоявшегося образа района	район	проект	убийство	свиблово	проживать	

рассмотреть источники протестной риторики и выявить наиболее употребимые в данном контексте образы места.

Протестные активности в районе Свиблово переросли в активную фазу уже после 2017 года и широко освещались СМИ: наиболее активные участники движения против реновации давали комментарии журналистам, отвечали на вопросы о своих опасениях и о своем районе. В то же время помимо физической манифестации протеста в виде митингов и пикетов граждане активно высказывались против реновации, создавая и подписывая петиции, обсуждая события в социальных сетях.

В результате работы алгоритмов были определены ключевые слова, часто встречающиеся в текстах, затем они были объединены в тематические группы (табл. 4). Название темы, объединяющей все ключевые слова и словосочетания из списка, было определено вручную.

Среди полученных тем можно выделить опасения по поводу разрушения привычных параметров, формирующих образ места, и изменения опыта проживания в районе в худшую сторону. Так, протест против точечной застройки может быть связан с опасением трансформации сложившегося образа пятиэтажного двора. С точечной застройкой связаны и опасения тотального изменения облика района: «Такое впечатление, что они собираются строить новые дома как после бомбардировки, на пустыре¹¹», — заявляют представители группы активистов Свиблово. При этом в данном контексте особенно важным является разрушение устоявшегося образа «зеленого»

района: экология, озеленение, чистота и «возможность дышать» для подписавших петиции против реновации стали одними из ключевых факторов в определении их позиции по отношению к московской реновации. Обилие внимания к сохранению зеленого облика района прослеживается и в заявлениях активистов, в частности экологичность и природа упоминаются как неотъемлемые компоненты его образа: «Через двадцать лет [после заселения первых домов] этот район превратился в сплошной лес. И мы до сих пор живем в зеленом оазисе»¹².

Отдельный интерес представляют заявления подписантов о вторжении в «свой» район, угрозе разрушения его устоявшегося образа. Очевидно, что эти опасения не связаны напрямую с объективными характеристиками Свиблово и нацелены на сохранение смыслов, которыми жители наделяют место. Эти смыслы могут заключаться в привязанности к природе района, к социальному комфорту, связанному с устоявшимся окружением¹³, но наиболее примечательными в данном случае являются описания района как «своего», его «убийство» в результате реализации проекта реновации. Такое отношение к району свидетельствует о тесной связи идентичности подписантов и образа района Свиблово: это место интерпретируется ими в контексте собственной биографии, а связанные с ним образы возникают в процессе саморефлексии. Таким образом, эти высказывания напрямую связаны с локальной идентичностью жителей района.

11. «Вы хоть соблюдайте вашу реновацию». «Ъ» изучил, как горожане реагируют на первые планы реконструкции их районов // Коммерсантъ, 13.07.2019: <https://www.kommersant.ru/doc/4031408>.

12. Там же.

13. Лозунг за сохранение социальной стабильности «Нет гетто» являлся одним из самых популярных лозунгов агитационных материалов на протестных акциях, см.: Вы хоть соблюдайте вашу реновацию // Коммерсантъ: <https://www.kommersant.ru/doc/4031408#id1772577>.

Таблица 5. Частота упоминаний пар «определяемое слово – определение» в комментариях к протестным петициям

Источник: данные автора.

Пары слов	Частота употребления
район зеленый	14
район свиблово	6
район застройка	5
район тихий	4
район уютный	4
район новый	3
район спальный	2
район бетонный	2
район других	2
район красивый	2
район нужный	2
микрорайон застройка	2
район замечательный	2
район точечный	2
район соседний	2
район дворовый	2
район житель	2
район москва	2

Следует отметить наиболее заметную тему комментариев подписантов – требование обновления инфраструктуры для детей. Она напрямую коррелирует с текстами петиций, обращенных к государственным органам. В них авторы, помимо аргументации своей позиции через терминологию образа района, в первую очередь фокусируются на описании объективных факторов: географических, градостроительных или юридических. Среди них часто называется недостаточная обеспеченность Свиблова объектами социальной инфраструктуры, что также находит отражение в комментариях подписантов и агитационных материалах¹⁴. Причиной появления таких тем в комментариях и почти исключительного фокуса на них в текстах самих петиций может являться адресованность петиции должностным лицам.

Существенное преобладание образов зеленого района можно увидеть при рассмотрении частотности употребления слов «район» и «Свиблово» в качестве подлежащего в паре с определениями (табл. 5).

14. Там же.

15. Определяющие слова в группе объективных характеристик: зеленый, усадьба, прудик, набережная, парк, яуза, капустинский, пруд, село; в группе субъективных характеристик: крутой, хороший, тихий, спальный, новый, старый, родной, уютный, уникальный, красивый.

Таким образом, в текстах комментариев к подписям жители апеллировали к сохранению тихого спального района, которым они считают Свиблово. Для жителей район красив, зелен, для них важны социальные связи, о чем говорит упоминание «соседства», «дворовости». Анализ образов района снова демонстрирует переплетенность в протестном дискурсе образов, сформированных параметрами среды и опытом проживания в ней, а также дает описание «духа» места: уютное, тихое, дворовое пространство. Тем не менее при анализе образов Свиблова, формируемых синтаксическими конструкциями языка, становится заметно расхождение в частотности упоминаний пространственных параметров района, которые в случае протестного дискурса преобладают над упоминанием образов места, связанных с опытом проживания в нем.

3.2.3. Система образов, встречающихся в повседневной и протестной риторике жителей Свиблова

Выявленные образы места, которые составляют локальную идентичность жителей Свиблова, представляют собой целостную систему. Для того чтобы проверить влияние элементов этой системы друг на друга и исключить возможное искажение результатов из-за активации локальной идентичности после антиреновационных протестов, данные были проанализированы во времени. Полученные ранее синтаксические конструкции были сгруппированы по категориям: формирующие образ места на основе физических параметров среды и формирующие образ места на основе опыта проживания в районе¹⁵. Сгруппированные конструкции были распределены по годам, в результате чего обнаружилась закономерность между частотностью обеих групп образов Свиблова и активными фазами протеста в районе (рис. 1).

Также надо отметить, что при нормализации данных на абсолютное количество сообщений становится заметнее увеличение частотности обеих групп образов района в 2014 и 2015 годах и ее почти полное падение к 2016 году (рис. 2). Эти аномалии могут быть остатками предыдущей волны мобилизации образов локаль-

Рис. 1. Распределение образов района Свиблово в комментариях и постах социальной сети «ВКонтакте» с 2014 по 2021 год, абсолютные значения
 Источник: данные автора.

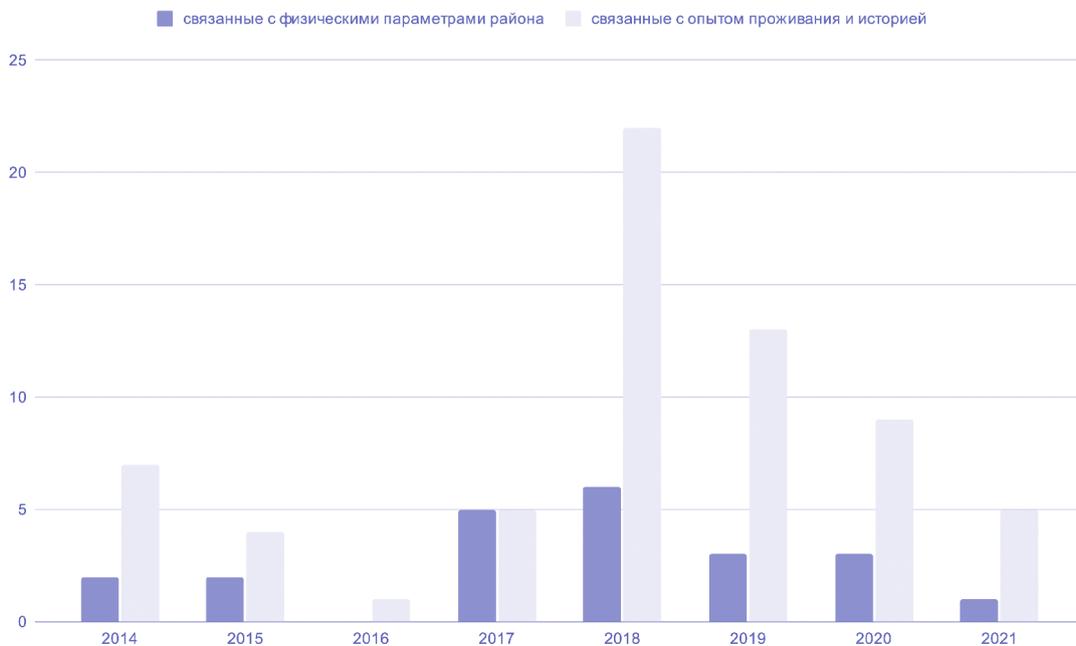
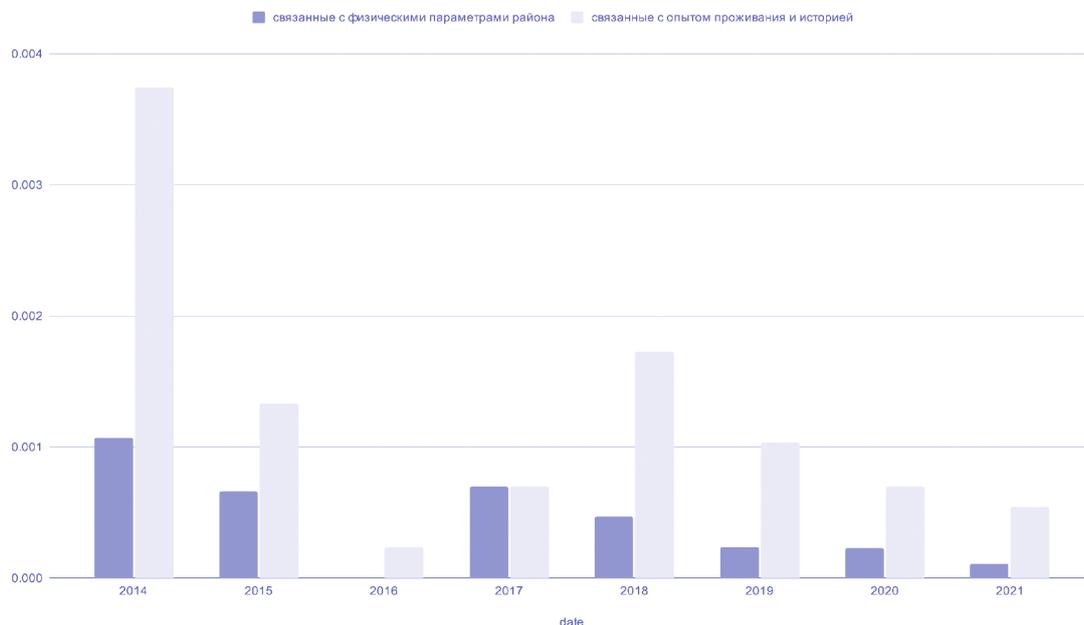

Рис. 2. Распределение образов района Свиблово в комментариях и постах социальной сети «ВКонтакте» с 2014 по 2021 год, значения нормированы на количество текстов
 Источник: данные автора.

ной идентичности жителей Свиблова в рамках протестной активности: до 2014 года местным сообществом велась активная борьба против застройки упоминавшегося ранее Капустинского пруда¹⁶. Таким образом, можно проследить процесс мобилизации образов локальной идентичности жителей района в ответ на попытки экспертного сообщества «насадить сверху» собственные пространства репрезентаций даже в повседневной риторике. Второй случай всплеска употребления образов Свиблова свидетельствует о том, что повышенная

апелляция к образам места, формирующим локальную идентичность, характерна не только для протестов против реновации района, но и для городских конфликтов в целом, однако этот тезис требует проверки на большем количестве текстов и районов, чьи жители участвовали в городских градостроительных конфликтах.

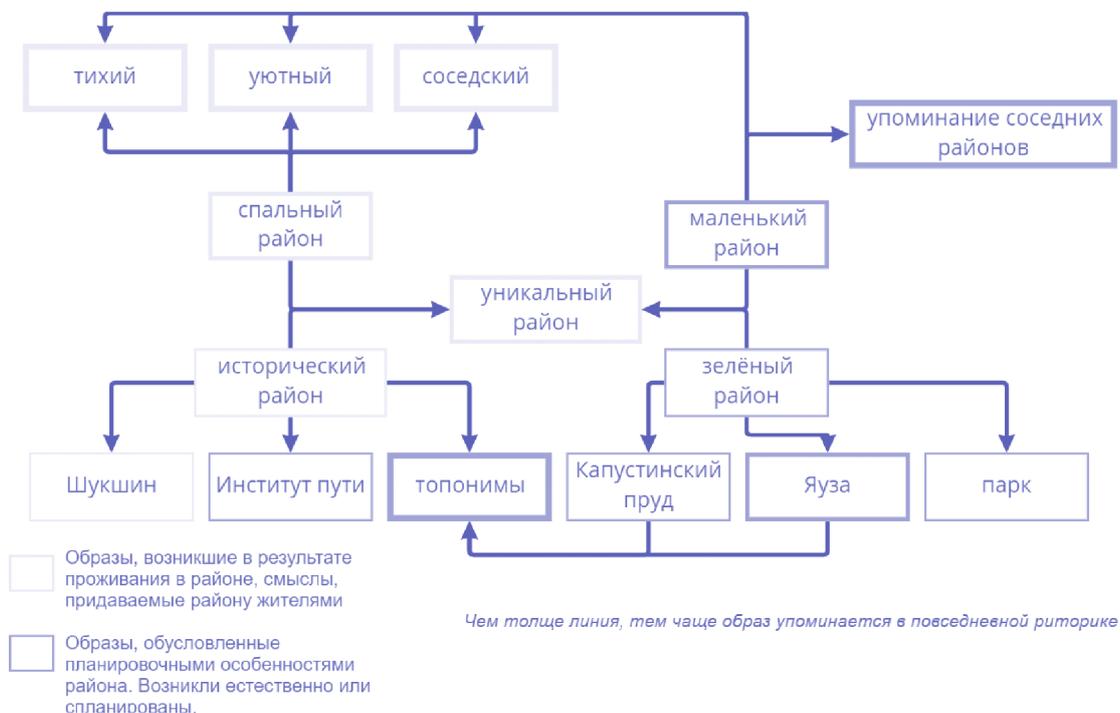
Выявленные в результате исследования образы можно также упорядочить в виде образно-географической карты (рис. 3).

Образы, сформированные в результате восприятия местными жителями планировочных особенностей района (озеленение,

16. В Мосгордуме обсудили последствия строительства на берегу Капустинского пруда в Свиблово. Пресс-релиз партии Яблоко. 1 июня 2015: https://www.yabloko.ru/regnews/Moscow/2015/06/01_1.

Рис. 3. Образно-географическая карта района Свиблово на основе повседневных сообщений

Источник: данные автора.

топонимы, ключевые производства, положение относительно других районов), более вариативны, однако наибольшую частоту упоминаний имеют образы, сформированные на основе опыта проживания в районе или истории его жителей (проживание Шукшина, тишина и добрососедство в районе, формируемый в результате уют). В повседневной риторике эти образы встречаются чаще всего. Противоположная ситуация наблюдается в протестной риторике (рис. 4.).

Итак, протестный дискурс против реновации в районе Свиблово затрагивает темы сохранения как физических средовых характеристик (озеленения, малоэтажной застройки), так и смысловых («своего» района, его устоявшегося образа). Оба типа характеристик могут отвечать и за формирование идентичности места, согласно теории Рельфа, и за появление феномена NIMBY. Описанные ранее образы района снова появляются в риторике протестной, однако в градозащитном дискурсе заметно более частое употребление образа «зеленого» Свиблова. При этом мобилизация образов места для апелляции к ним при возникновении городских конфликтов существенно влияет и на повседневный дискурс: обсуждение городского конфликта в социальных сетях провоцирует учащение использования образов места, связанных как с планировочными особенностями района, так и с опытом проживания в нем. Наблюдавшиеся ранее (см. рис. 2) изменения повседневной риторики свидетельствуют о том, что выявленная закономерность может быть характерна

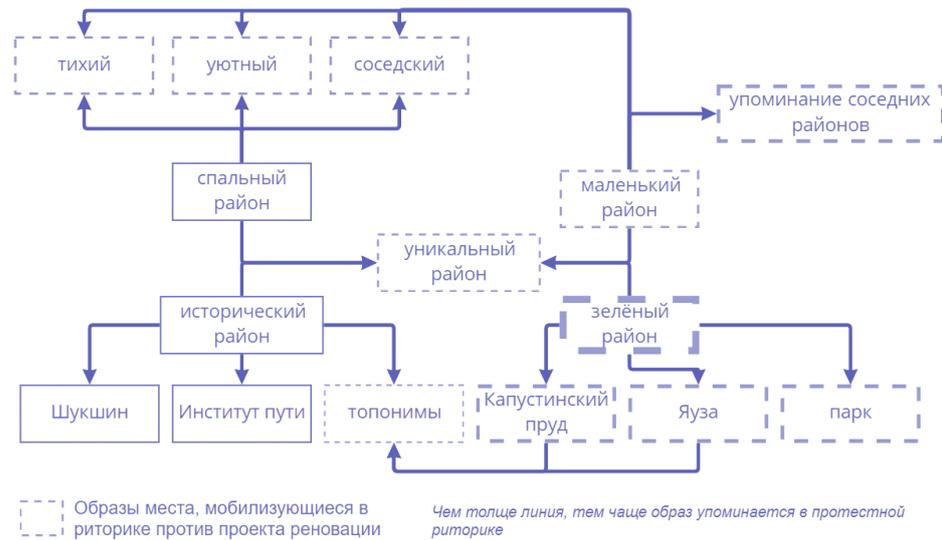
не только для протестов против реновации. В целом роль локальной идентичности в протестной риторике заключается в аргументации позиции протестующих: угроза пространственной организации района мобилизует соответствующие образы.

Заключение

В рамках этого исследования локальная идентичность определялась как образ места, осмысленный в контексте своей личности или биографии. Образы места при этом делились на категории, предложенные Рельфом: образы, основанные на физических параметрах пространства и происходящих в нем процессах, и образы, основанные на смысле, придаваемых пространству. Для удобства измерения эти параметры были разделены на параметры, связанные с естественной или спланированной организацией пространства и связанные с опытом проживания в районе. Со смыслами, которыми наделено пространство, связана концепция пространства репрезентации и репрезентации пространства Лефевра, как пространства экспертов и обычных пользователей. Подобная дихотомия присутствует и в понятии городского конфликта – столкновения интересов экспертного сообщества инвесторов и политиков с интересами местных жителей. Пересечения между факторами формирования городских конфликтов и образами места, составляющими локальную идентичность жителей района, про-

Рис 4. Образно-географическая карта района Свиблово на основе протестных сообщений

Источник: данные автора.

слеживаются еще на этапе задания теоретических рамок. Так, описываемые в рамках гуманитарной географии (в частности, Рельфом) факторы, формирующие образ среды, почти полностью совпадают с пониманием причин, ответственных за появление феномена NIMBY в современной социологии. Таким образом, локальная идентичность жителей городских районов, будучи набором осмысленных образов места, неизбежно будет влиять на риторику городских протестов.

В меньшей степени взаимосвязь протестной риторики и образов, формирующих локальную идентичность, заметна в дискурсе крупномасштабных общегородских протестов. Проект реновации 2017 года, в отличие от предыдущих попыток взаимодействия с индустриальной застройкой, предполагал крупномасштабное изменение параметров застройки большей части районов Москвы. Протесты против реновации случились через некоторое время после обнародования проекта и попытки преподнести его как инициативу снизу. Жители, возмущенные попыткой сообщества экспертов создать собственное пространство репрезентации на месте районов с устоявшимися смыслами и образами места, организовали масштабные общегородские протесты. Образы локального на таких акциях существенно уступали политическому дискурсу, однако все равно были заметны и составляли около четверти всех высказываний на задокументированных акциях против реновации.

Что касается локальной идентичности Свиблово и образов, которые ее форми-

руют, выявленные в рамках данного исследования закономерности говорят о преобладании в повседневной риторике образов, связанных с проживанием в районе, над образами, сформированными в результате восприятия его планировочных особенностей. Жители в повседневном общении называют свой район тихим, уютным, спальным, уникальным чаще, чем описывают конкретные его параметры, за счет которых район становится уникальным: озеленение, соседние районы, топонимы. Возможно, такой результат исследования обусловлен особенностью проанализированной выборки текстов: большая вариативность тем внутри всего корпуса и сам характер «повседневного» общения.

При этом в протестной риторике четко прослеживается выдвигание на первый план образа «зеленого» Свиблово: именно эту особенность малоэтажной застройки жители боятся потерять больше всего. Ввиду того, что преобразование грозит именно параметрам застройки и, соответственно, образу «зеленого» района, составляющему локальную идентичность жителей¹⁷, протестный дискурс часто апеллирует к этой группе образов места. Представляется необходимым отметить и изменения в повседневной риторике жителей Свиблово, которые происходят в период угрозы факторам, формирующим их представление о районе. Так, в повседневном дискурсе в самом начале обсуждения проекта реновации мобилизуются обе группы образов района, но со временем частота их употребления

17. Доказательством отнесения образов, связанных с «зеленым» Свибловом, к образам места, формирующим локальную идентичность у жителей, служат приведенные в разделе 3.2.2 цитаты участников протеста.

постепенно уменьшается. Это наблюдение характерно не только для протестов против проекта реновации, но проявляется и в других градостроительных конфликтах – например, вокруг потенциальной застройки местного Капустинского пруда.

Таким образом, в результате городских конфликтов в повседневном дискурсе мобилируются обе группы образов места, что могло бы частично подтвердить поставленные в начале исследования гипотезы. Однако для градозащитной риторики жителей Свиблова более важна именно группа образов, связанных с естественными или спланированными параметрами пространства. Озеленение Свиблова, его малоэтажность и боязнь утраты этих параметров района становятся ключевыми факторами в борьбе за возможность репрезентации пространства и реализации своего права на город, что подтверждает гипотезу о первичности данной группы образов в риторике Свиблова против программы реновации. В ответ на угрозу преобразования параметров городской среды района Свиблово жителями мобилируются образы, сформированные благодаря этим параметрам. Образы места, формирующие локальную идентичность, активно используются жителями в качестве аргументации своей позиции, таким образом определяя роль локальной идентичности как доказательной базы в рамках протестных активностей: как только появляется угроза планировочным особенностям места (характерной застройке, озеленению), в протестном и повседневном дискурсах учащаются употребление соответствующих групп образов. Предположение о схожих закономерностях в городских конфликтах, затрагивающих исключительно смысловые образы места, необходимо дополнительно проверить в рамках дальнейших исследований на расширенной выборке протестных активностей.

Источники

- Архипова А.С., Гаврилова М.В., Козлова И.В. (2019) Защитник хрущевки, его речь и его плакат: дискурс и этнография антиреновационного протеста в Москве//Фольклор и антропология города. Т. 2. № 3–4. С. 294–331.
- Байнова М.С. (2015) Земельные конфликты в процессе градостроительной деятельности//Конфликтология. № 1. С. 161–181.
- Ваньке А.В., Полухина Е.В. (2018) Территориальная идентичность в промышленных районах: культурные практики заводских рабочих и деятелей современного искусства//Laboratorium: Журнал социальных исследований. № 10 (3). С. 4–34.
- Голд Дж. (1990) Психология и география: Основы поведенческой географии/пер. с англ.; авт. предисл. С.В. Федулов. М.: Прогресс.
- Грудцына Л.Ю. (2017) Есть ли жизнь после реновации?//Образование и право. № 8. С. 38–41.
- Замятина Н.Ю. (2004) Формирование образа города: особенности и закономерности//Возвращенные имена: идентичность и культурный капитал переименованных городов России: Проектные материалы/под ред. А.С. Макарычева. Нижний Новгород: IREX, «Профессионалы за сотрудничество». С. 49–70.
- Лебедев И.М., Заболотнева П.А. (2022) Правовая и экономическая эффективность программы реновации жилищного фонда.//Управленческий учет. № 4–3. С. 510–516.
- Лебедева Н.А., Митин И.И. (2019) От города к экзополису? Городской культурный ландшафт в гуманитарной и критической географии//Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. № 1 (36). С. 197–220.
- Лефевр А. (2015) Производство пространства. М.: Strelka Press.
- Линч К. (1982) Образ города/пер. с англ. В.Л. Глазычева М.: Стройиздат.
- Медведев И. (2017) Решение городских конфликтов. М.: Инфотропик Медиа.
- Митин И.И. (2007) Методика комплексной культурно-географической характеристики территории: дис. ... канд. геогр. наук. М.: Московский государственный университет.
- Митин И.И. (2011) На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства//Топос. № 1. С. 62–73.
- Мойзер Ф., Задорин Д. (2020) К типологии советского типового домостроения. Индустриальное жилищное строительство в СССР. Berlin, DOM Publishers.
- Полякова Н.Л. (2016) «Идентичность» в современной социологической теории//Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. № 22 (4). С. 22–42.
- Стрельникова А.В. (2012) Социология города: пространственные практики и жизненные траектории. М.: Тривант.
- Albanese F. et al. (2020) Analyzing Mass Media Influence Using Natural Language Processing and Time Series Analysis//Journal of Physics: Complexity. Vol. 1. No. 2.
- Brenner et al. (2012) Cities for People, Not for Profit//Critical Urban Theory and the Right to the City. London, New York: Routledge.
- Cresswell T. (2015) Place: An Introduction. New York: John Wiley & Sons.
- Dahrendorf R. (1965) Elemente einer Theorie des sozialen Konflikts//Dahrendorf R. Gesellschaft und Freiheit. München: Piper & Co Verlag.
- Ehrkamp P. (2010) Identity, Geography and//SAGE Encyclopedia of Geography/B. Warf. (Ed.). Thousand Oaks, L., New Delhi, Singapore: SAGE.
- Harris N. (2002) From Theoretical Foundations to Practice Forms//Planning Futures: New Directions for Planning Theory. L., NY.: Routledge. P. 21–43.

- Hubbard P., Kitchin R. (eds.) (2011) *Key Thinkers on Space and Place*. London: SAGE Publications.
- Jive'n G., Larkham P. (2003) *Sense of Place, Authenticity and Character: A Commentary*//*Journal of Urban Design*. Vol. 8. No. 1. P. 67-81.
- Lewicka M. (2008) *Place Attachment, Place Identity, and Place Memory: Restoring the Forgotten City Past*//*Journal of Environmental Psychology*. No. 28. P. 209-231.
- Manzo L. (2005) *For Better or Worse: Exploring Multiple Dimensions of Place Meaning*//*Journal of Environmental Psychology*. Vol. 25. No. 1. P. 67-86.
- Mössner S., Renau L.D.R. (2015) *What Makes a Protest (not) Happen? The Fragmented Landscape of Post-Political Conflict Culture*//*Planning and Conflict: Critical Perspectives on Contentious Urban Developments*/Gualini E. (Ed.). NY: Routledge. P. 63-78.
- Gualini E. (Ed.) (2015) *Planning and Conflict: Critical Perspectives on Contentious Urban Developments*. NY.: Routledge.
- Pol E., Di Masso A., Castrchini A., Bonet M.R., Vidal T. (2006) *Psychological Parameters to Understand and Manage the NIMBY Effect*//*European Review of Applied Psychology*, Vol. 56, No. 1. P. 43-51.
- Proshansky H.M., Fabian A.K., Kaminoff R. (1983) *Place-identity: Physical World Socialization of the Self*//*Journal of Environmental Psychology*. No. 3 (1). P. 57-83.
- Pucci P. (2015) *Large Infrastructures and Conflicts: Searching for 'Boundary Objects'—Reflections from Italian Experiences*//*Planning and Conflict: Critical Perspectives on Contentious Urban Developments*/Gualini E (Ed.). NY.: Routledge. P. 219-237.
- Relph E. (1976) *Place and Placelessness*. London: Pion Limited.
- Salloum A., Khan R., Shaalan K. (2020) *A Survey of Semantic Analysis Approaches*//*Proceedings of the International Conference on Artificial Intelligence and Computer Vision (AICV2020)*. Cham: Springer. P. 61-70.
- Southworth M., Ruggeri D. (2011) *Beyond Placelessness: Place Identity and the Global City*//Banerjee T., Loukaitou-Sideris A. (eds.) *Companion to Urban Design*. L., NY: Routledge.
- Southworth M., Ruggeri D. (2015) *Beyond Placelessness: Place Identity and the Global City*//*Companion to Urban Design*, L., NY: Routledge. P. 511-525.
- Strelnikova A. (2016) *Local Authorities, Memory Sites and the City Space*//*Collective Memories in War*/Rozhdestvenskaya E., Semenova V., Tartakovskaya I., Kosela K. (eds.). NY.: Routledge. P. 110-121.
- Strelnikova A. (2018) *Old and New Residents of Former Industrial Neighborhood: Differences and Identities*. NRU Higher School of Economics. Series SOC «Sociology».
- Tuan Y.-F. (1974) *Space and Place: Humanistic Perspective*//*Progress in Geography*. Vol. 6. P. 211-252.
- Tuan Y.-F. (2001) *Space and Place. The Perspective of Experience*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

THE ROLE OF LOCAL IDENTITY IN THE STRUGGLE AGAINST RENOVATION: THE CASE OF SVIBLOVO DISTRICT IN MOSCOW

Daniil P. Pereyaslavtsev, Master's Student, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University; 13 bldg. 4 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: dperej14@gmail.com

Abstract. This paper explores the effects place image has on the place identity of residents of Sviblovo district in Moscow protesting the renovation program. Sviblovo was chosen as an example because of the abundant protests against Moscow's renovation project from 2017 to this day. The main methodology used is the semantic analysis of social network and petition texts using NLP algorithms. The patterns observed are then supported with mass media and other research material. The results show a correlation between urban conflicts and place image mobilization in the texts and everyday speech of protesters. For example, a place is more frequently described in terms of its natural or constructed features, when the same group of images were used to defend the place in urban protest activities. The patterns can also be seen in a retrospective analysis of the everyday communication of Sviblovo residents and other urban conflicts that took place in the district. Further research which includes a larger sample of districts is needed in order to confirm the findings.

Keywords: place image; place identity; urban conflicts; protest activity; Sviblovo; Moscow; natural language processing

Citation: Pereyaslavtsev D. (2022) The Role of Local Identity in the Struggle against Renovation: The Case of Sviblovo District in Moscow. *Urban Studies and Practices*, vol. 7, no 4, pp. 68-86. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp74202268-86>

References

- Albanese F. et al. (2020) Analyzing Mass Media Influence Using Natural Language Processing and Time Series Analysis. *Journal of Physics: Complexity*, vol. 1, no 2.
- Arhipova A.S., Gavrilova M.V., Kozlova I.V. (2019) Zashhitnik khrushchevki, ego rech' i ego plakat: diskurs i etnografija antirenovacionnogo protesta v Moskve. [The Defender of "Khrushchevka", their Speech, their Placard: Discourse and Ethnography of Anti-renovation Protest in Moscow]. *Fol'klor i antropologija goroda* [Urban Folklore and Anthropology], vol. 2, no 3-4, pp. 294-331. (in Russian)
- Bajnova M.S. (2015) Zemel'nye konflikty v processe gradostroitel'noj dejatel'nosti [Land dispute in the process of urban planning]. *Konfliktologija* [Conflictology], no 1, pp. 161-181. (in Russian)
- Brenner et al. (2012) Cities for People, Not for Profit. *Critical Urban Theory and the Right to the City*. London, New York: Routledge.
- Creswell T. (2015) Place: An Introduction. New York: John Wiley & Sons.
- Dahrendorf R. (1965) Elemente einer Theorie des sozialen Konflikts. Dahrendorf R. *Gesellschaft und Freiheit*. München: Piper & Co Verlag.
- Ehrkamp P. (2010) Identity, Geography and. *SAGE Encyclopedia of Geography*. Thousand Oaks, L., New Delhi, Singapore: SAGE.
- Gold J.R. (1990) Psichologiya i geografiya: Osnovy povedencheskoj geografii [An Introduction to Behavioural Geography]. Moscow: Progress. (in Russian)
- Grudcyna L.Ju. (2017) Jest' li zhizn' posle renovacii? [Is there Life after Renovation?]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Right], no 8, pp. 38-41. (in Russian)
- Gualini E. (eds.) (2015) Planning and Conflict: Critical Perspectives on Contentious Urban Developments. NY.: Routledge.
- Harris N. (2002) From Theoretical Foundations to Practice Forms. *Planning Futures: New Directions for Planning Theory*. L., NY.: Routledge, pp. 21-43.
- Hubbard P., Kitchin R. (eds.) (2011) Key Thinkers on Space and Place. London: SAGE Publications.
- Jive'n G., Larkham P. (2003) Sense of Place, Authenticity and Character: A Commentary. *Journal of Urban Design*, vol. 8, no 1, pp. 67-81.
- Lebedev I.M., Zabolotneva P.A. (2022) Pravovaja i jekonomicheskaja jeffektivnost' programmy renovacii zhilishhnogo fonda. [Legislative and Economic Efficiency of Renovation Programme]. *Upravlencheskij uchjot* [Executive record], no 4-3, pp. 510-516 (in Russian)
- Lebedeva N.A., Mitin I.I. (2019) Ot goroda k jekzopolisu? Gorodskoj kul'turnyj landshaft v gumantiarnoj i kriticheskoj geografii [From City to Exopolis? Urban Cultural Landscape in The Humanitarian and Critical Geography]. *Chelovek: Obraz i sushhnost'*. *Gumanitarnye aspekty* [Human: Image and Essence. Humanitarian Aspects], no 1 (36), pp. 197-220. (in Russian)
- Lefebvre H. (2015) Proizvodstvo prostranstva [Reproduction of Space]. M.: Strelka Press. (in Russian)
- Lewicka M. (2008) Place Attachment, Place Identity, and Place Memory: Restoring the Forgotten City Past. *Journal of Environmental Psychology*, no 28, pp. 209-231.
- Lynch K. (1982) Obraz goroda [The Image of the City]. M.: Stroyizdat. (in Russian)
- Manzo L. (2005) For Better or Worse: Exploring Multiple Dimensions of Place Meaning. *Journal of Environmental Psychology*, vol. 25, iss. 1, pp. 67-86.
- Medvedev I. (2017) Resheniye gorodskih konfliktov [Solving Urban Conflicts]. M.: Infotropik Media. (in Russian)
- Meuser P., Zadorin D. (2020) K tipologii sovetskogo tipovogo domostroeniya. Industrial'noe zhilishhnoe stroitel'stvo v SSSR [Towards the Typology of Soviet Prefabricated Buildings. Industrial Housing Construction in USSR]. Berlin, DOM Publishers. (in Russian)
- Mitin I.I. (2007) Metodika kompleksnoj kul'turno-geograficheskoy harakteristiki territorii [Methodology of Complex Culture-Geographical Characterisation of Territory. PhD Thesis]. M.: Moscow State University. (in Russian)
- Mitin I.I. (2011) Na puti k vobrazhaemoj geografii: dva povorota, tri prostranstva [On Path to Imaginary Geography: Two Turns, Three Spaces]. *Topos*, no 1, pp. 62-73. (in Russian)
- Mössner S., Renau L.D.R. (2015) What Makes a Protest (not) Happen? The Fragmented Landscape of Post-Political Conflict Culture. *Planning and Conflict: Critical Perspectives on Contentious Urban Developments*. NY: Routledge, pp. 63-78.
- Pol E., Di Masso A., Castrichini A., Bonet M.R., Vidal T. (2006) Psychological Parameters to Understand and Manage the NIMBY Effect. *European Review of Applied Psychology*, vol. 56, iss. 1, pp. 43-51.
- Poljakova N.L. (2016) «Identichnost'» v sovremennoi so-

- ciologicheskoy teorii. [Identities in Contemporary Sociological Theory] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya* [Moscow University newspaper. Series 18. Sociology and Politology], no 22 (4), pp. 22-42. (in Russian)
- Proshansky H.M., Fabian A.K., Kaminoff R. (1983) Place-identity: Physical world Socialization of the Self. *Journal of Environmental Psychology*, no 3 (1), pp. 57-83. (in Russian)
- Pucci P. (2015) Large Infrastructures and Conflicts: Searching for 'Boundary Objects' – Reflections from Italian Experiences. *Planning and conflict: critical perspectives on contentious urban developments*. NY., Routledge, pp. 219-237.
- Relph E. (1976) Place and Placelessness, London: Pion Limited.
- Salloum A., Khan R., Shaalan K. (2020) A Survey of Semantic Analysis Approaches. *Proceedings of the International Conference on Artificial Intelligence and Computer Vision (AICV2020)*. Cham: Springer, pp. 61-70.
- Southworth M., Ruggeri D. (2011) Beyond Placelessness: Place Identity and the Global City. T. Banerjee, A. Loukaitou-Sideris (eds.) *Companion to Urban Design*. London, NY: Routledge.
- Southworth M., Ruggeri D. (2015) Beyond Placelessness: Place Identity and the Global City. *Companion to Urban Design*. London, NY: Routledge. pp. 511-525.
- Strel'nikova A.V. (2012) Sociologiya goroda: prostranstvennye praktiki i zhiznennye traektorii. [Urban Sociology: Spatial Practices and Housing Trajectories] Moscow: Trovant. (in Russian)
- Strelnikova A. (2016) Local Authorities, Memory Sites and the City Space. *Collective Memories in War*. NY.: Routledge, pp. 110-121. (in Russian)
- Strelnikova A. (2018) Old and New Residents of Former Industrial Neighborhood: Differences and Identities. no RU Higher School of Economics. Series SOC «Sociology». (in Russian)
- Tuan Y.-F. (1974) Space and Place: Humanistic Perspective. *Progress in Geography*, vol. 6, pp. 211-252.
- Tuan Y.-F. (2001) Space and Place. The Perspective of Experience. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Van'ke A.V., Poluhina E.V. (2018) Territorial'naja identichnost' v industrial'nyh rajonah: kul'turnye praktiki zavodskih rabochih i dejatelej sovremennogo iskusstva [Place Identity in the Industrial Districts: Cultural Practices of Industrial Workers and Contemporary Artists]. *Laboratorium: Zhurnal social'nyh issledovaniy* [Laboratorium: Journal of Sociological Research], vol. 10, no 3, pp. 4-34. (in Russian)
- Zamjatina N. Ju. (2004) Formirovanie obraza goroda: osobennosti i zakonomernosti [Forming the Image of the City: Patterns and Specificities]. *Vozvrashhjonnye imena: identichnost' i kul'turnyj kapital pereimenovannyh gorodov Rossii* [Reobtained Names: Identity and Cultural Capital of the Renamed Cities in Russia]. Nizhnij Novgorod: IREX, «Professionaly za sotrudnichestvo» [Nizhny Novgorod: IREX, «Professionals for Cooperation»], pp. 49-70. (in Russian)